

Н.И. Пирогов

Сочинения Н.И. Пирогова

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
Н11

Н11 **Н.И. Пирогов**
Сочинения Н.И. Пирогова: Том 1 / Н.И. Пирогов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 512 с.

ISBN 978-5-458-61042-1

ISBN 978-5-458-61042-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Статьи педагогическія.

Вопросы жизни.

Отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, выведенный на свѣтъ неофициальными статьями Морского Сборника о воспитаніи.

Первая редакція.

«Къ чему вы готовите вашего сына? — кто-то спросилъ меня.

«Быть человѣкомъ,—отвѣчалъ я.

«Развѣ вы не знаете, сказали спросившій, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ; это одно отвлеченіе, вовсе испужное для нашего общества. Намъ необходимы, египціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди».

Правда это или нѣтъ? .

Мы живемъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, «по преимуществу» практическомъ.

Отвлеченія, даже и въ самой столицѣ ихъ, Германіи, уже не въ ходу болѣе. А человѣкъ, что ни говори, есть, дѣйствительно, только одно отвлеченіе.

Зоологическій человѣкъ, правда, еще существуетъ съ его двумя руками и держится ими крѣпко за существованность; но нравственный, вмѣстѣ съ другими старосвѣтскими отвлеченіями, какъ-то плохо принадлежитъ настоящему.

Впрочемъ, не будемъ несправедливы къ настоящему. И въ древности искали людей днемъ съ фонарями; но все-таки искали.

Правда, языческая древность была не слишкомъ взыскательна. Она позволяла имѣть всевозможныя нравственно-религіозныя убѣжденія; можно было *ad libitum* сдѣлаться эпикурейцемъ, стоикомъ, пифагорейцемъ; только худыхъ гражданъ она не жаловала.

Не смотря на все наше уваженіе къ неоспоримымъ достоинствамъ реализма настоящаго времени, нельзя, однако же, не согласиться, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка.

Правительства въ древности оставляли школы безъ надзора и считали себя не въ правѣ вмѣшиваться въ ученія мудрецовъ. Каждый изъ учениковъ могъ пролагать, въ послѣдствіи, новые пути и образовывать новыя школы; только жрецы, тираны и zeloty отъ времени до времени выгоняли, сжигали и отравляли философовъ, если ихъ ученія уже слишкомъ противорѣчали повѣрьямъ господствующей религіи; да и то это дѣлалось по интригамъ партій и кастъ.

Изычество древнихъ, не озаренное свѣтомъ истинной вѣры, заблуждалось; но заблуждалось, слѣдуя принятымъ и послѣдовательно проведеннымъ убѣжденіямъ.

Если эпикуреецъ утопалъ въ чув-

ственныхъ наслажденіяхъ, то онъ дѣлалъ это, основываясь, хотя и на ложно понятыхъ ученихъ школы, утверждавшей, что «искать по возможности наслажденія и избѣгать непріятнаго — значитъ быть мудрымъ».

Если стовѣкъ дѣлался самоубійцею, то это случалось отъ стремленія къ добродѣтели и идсалу высшаго совершенства.

Даже кажущаяся непоследовательность въ поступкахъ скептика извиняется учениемъ школы, проповѣдавшей, что «ничего нѣтъ вѣрнаго на свѣтѣ, и что даже сомнѣніе сомнительно».

Въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все-таки самый существенный атрибутъ духовной натуры человека — стремленіе разрѣшить вопросъ жизни о цѣли бытія.

Правда, и въ древности случалось, точно также, какъ и у насъ, что были люди, не задававшіе себѣ никакихъ вопросовъ при вступленіи въ жизнь.

Но сюда относились и относятся только два рода людей.

Во-первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привилегію на идіотизмъ.

Во-вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получили однажды толчекъ, вынуждаютъ по силѣ инерціи въ данномъ имъ направленіи.

Оба эти рода, конечно, не принадлежатъ къ исключеніямъ; но и не могутъ служить планами.

Ученіе Спасителя, разрушивъ хаосъ нравственнаго произвола, указало человечеству прямой путь, опредѣлило и цѣль, и средоточіе житейскихъ стремленій.

Найдя въ Откровеніи самый главный вопросъ жизни: «о цѣли нашего бытія» разрѣшеннымъ, казалось бы, человечеству ничего другого не должно дѣлать, какъ слѣдовать съ убѣжденіемъ и лирою по опредѣленной стезѣ.

Но протекли столѣтія, а все осталось «яко же бо бысть во дни Ноевы» (Матт., гл. XXIV, 37).

Къ счастью еще, что наше общество

успѣло такъ организовать, что оно для болышей массы людей, само, безъ ихъ сознанія, задаетъ и рѣшаетъ вопросы жизни, и даетъ этой массѣ, пользуясь сплюснutoй инерціей, извѣстное направленіе, которое оно считаетъ лучшимъ для своего благосостоянія.

Не смотря, однако, на преобладающую въ массѣ сплюснутую инерцію, у каждаго изъ насъ осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить намъ, что мы, живя въ обществѣ и для общества, живемъ еще и сами собою и въ самихъ себѣ.

Но, узнавъ по истинкѣ или по опыту, что общество приняло извѣстное направленіе, намъ все-таки ничего не остается болѣе дѣлать, какъ согласовать проявленія нашей самостоятельности, какъ можно лучше, съ направленіемъ общества.

Безъ этого мы или разладимъ съ обществомъ и будемъ терять и бѣдствовать, или основы общества начнутъ колебаться и разрушаться.

И такъ, какъ бы ни была велика масса людей, слѣдующихъ безсознательно данному обществу направленію, какъ бы мы всѣ ни старались, для собственнаго блага, приспособляя свою самостоятельность къ тому направленію, всегда останется еще много такихъ изъ насъ, которые сохраняютъ довольно сознаніе, чтобы выкинуть въ нравственный свой бытъ и задать себѣ вопросы: въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? Какое наше назначеніе? Къ чему мы призваны? Чего должны искать мы?

Какъ мы принадлежимъ къ послѣдователямъ христіанскаго ученія, то казалось бы, что воспитаніе должно намъ класть въ ротъ отвѣты.

Но это предположеніе возможно только при двухъ условіяхъ:

Во-первыхъ, если воспитаніе приковано къ разнѣвымъ способностямъ и темпераменту каждаго, то развивая, то обуздывая ихъ.

Во-вторыхъ, если нравственные основы и направленіе общества, въ которомъ мы живемъ, совершенно составляютъ направленію, сообщаемому намъ воспитаніемъ.

Первое условіе необходимо, потому

что врожденные склонности и темпераментъ каждого подсказываютъ ему, впасть и не впасть, что онъ долженъ дѣлать и къ чему стремиться.

Второе условіе необходимо, потому что безъ него, какое бы направленіе ни было намъ дано воспитаніемъ, мы, видя, что поступки общества не соответствуютъ этому направленію, непременно удалимся отъ него и собьемся съ пути.

Но, къ сожалѣнію, наше воспитаніе не достигаетъ предполагаемой цѣли, потому что:

Во-первыхъ, наши склонности и темпераменты не только слѣшкомъ разнообразны, но еще и развиваются въ различное время; воспитаніе же наше, вообще однообразное, начинается и оканчивается для большей части изъ насъ въ одни и тѣ же періоды жизни. И такъ, если воспитаніе, начавшись для меня слѣшкомъ поздно, не будетъ соответствовать склонностямъ и темпераменту, развившимся у меня слѣшкомъ рано, то какъ бы и что бы оно ни говорило о цѣли жизни и моихъ назначеніи, мол, рано развившіеся, склонности и темпераментъ будутъ мнѣ все-таки напештывать другое.

Отъ этого сбивчивость, разладъ и произволъ.

Во-вторыхъ, талантливые, проникательные и добросовѣстные воспитатели также рѣдки, какъ и проникательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели. Число ихъ не соответствуетъ массѣ людей, требующихъ воспитанія.

Не въ этомъ, однако же, еще главная бѣда. Будь воспитаніе наше, со всѣми его несовершенствами, хотъ бы равномерно только приковано къ развитію нашихъ склонностей, то послѣ мы сами, чутьемъ, еще могли бы рѣшить основные вопросы жизни.— Добро и зло вообще довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому, нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденные склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и прозорливости правите-

лей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу.

Но вотъ главная бѣда:

Самыя существенныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ общество.

Вспомнимъ еще разъ, что мы христіане, и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служить и должно служить Откровеніе.

Всѣ мы, съ ранняго дѣтства, не напрасно же ознакомлены съ мыслию о загробной жизни, всѣ мы не напрасно же должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

Выпкая же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ, по крайней мѣрѣ, жизни практической, и даже отчасти и умственной, мы находимъ рѣзко выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служить идея о счастьи и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней.

Выступая изъ школы въ свѣтъ, что находимъ мы, воспитанные въ духѣ христіанскаго ученія? Мы видимъ то же самое раздѣленіе общества на толпы, которое было и во времена паганизма, съ тѣмъ отличіемъ, что языческія увлекались разнообразными нравственно-религіозными убѣжденіями различныхъ школъ, и дѣйствовали, слѣдуя этимъ началамъ, послѣдовательно; а наши дѣйствуютъ по взглядамъ на жизнь, произвольно ими принятымъ, и вовсе несогласнымъ съ религіозными основами воспитанія, или и вовсе безъ всякихъ взглядовъ.

Мы видимъ, что самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно, по силѣ инерціи, толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи. Развитое чувство индивидуальности вселяетъ въ насъ отвращеніе пристать къ этой толпѣ.

Мы видимъ другія толпы, несравненно меньшія по объему, увлекаемыя хотя также, болѣе или менѣе, по направленію огромной массы, но слѣдующія уже различнымъ *взглядамъ* на жизнь, стараясь то противоборствовать

тому влеченію, то оправдать предъ собою слабость и недостатокъ энергіи.

Взгляды, которымъ слѣдуютъ эти толпы, наберется много.

Разобравъ, не трудно убѣдиться, что въ нихъ отзываются тѣ же начала Эпикуреизма, Проприизма, Цинизма, Платонизма, Еллектизма, которыя руководствовали и поступками языческаго общества; но лишеныя корня, безжизненныя и въ разладѣ съ вѣчными истинами, перенесенными въ нашъ міръ Воплощеннымъ Словомъ.

Вотъ, наприимѣръ, *первый* взглядъ очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, лишь потеря одного времени. Можно, думалъ, потерять и аппетитъ, и сонъ. Время-же нужно для трудовъ и наслажденій. Аппетитъ для наслажденій и трудовъ. Сонъ оцѣтъ для трудовъ и наслажденій. Труды и наслажденія для счастья.

Вотъ *другой* взглядъ—высокій. Учитесь, читайте, размышляйте и извлекайте изъ всего самое полезное. Когда умъ вашъ просвѣтитъ, вы узнаете, кто вы и что вы. Вы поймете все, что кажется необъяснимымъ для черни. Поумнѣвъ, повѣрьте, вы будете дѣйствовать какъ польза лучше. Тогда предоставьте только выборъ вашему уму, и вы никогда не сдѣлаете промаха.

Вотъ *третій* взглядъ—старообрядческій. Соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья. Читайте только благочестивыя книги; но въ смыслъ не вникайте. Это главное для спокойствія души. Затѣмъ не размышляйте, живите такъ, какъ живетъ.

Вотъ *четвертый* взглядъ—практическій. Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копейку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе, или, по крайней мѣрѣ, что для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно также какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій.

Вотъ *пятый* взглядъ, также практическій въ своемъ родѣ. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно; но только строго соблюдайте всѣ приличія, и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь, и ни подъ какимъ видомъ ихъ не противорѣчайте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите; только молча, въ кулакъ себѣ, смѣйтесь.

Вотъ *шестой* взглядъ, очень печальный. Не хлопочите, лучшаго ничего не придумаете. Поное только то на свѣтѣ, что хорошо было забыто. Что будетъ, то будетъ. Червякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь къ совершенству, и принадлежите къ обществу прогрессистовъ. Зритель и комедіантъ поневолѣ, какъ ни бейтось, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думалъ, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачѣмъ жили.

Вотъ *седьмой* взглядъ, очень веселый. Работайте для моціона, и наслаждайтесь, покуда живете. Ищите счастья, но не ищите его далеко, оно у васъ подъ руками. Какой вамъ жизни еще лучшей нужно? Все дѣлается къ лучшему. Зло—это одна фантазматорія для вашего же развлеченія, тѣнь,—чтобы вы лучше могли наслаждаться свѣтомъ. Пользуйтесь настоящимъ, и живите себѣ припѣваючи.

Вотъ *восьмой* взглядъ, и очень благоразумный. Отдѣляйте теорію отъ практики. Принимайте какую вамъ угодно теорію, для вашего развлеченія, но на практикѣ узнавайте, главное, какую роль вамъ выгоднѣе играть; узнавъ, выдержите ее до конца. Счастье—искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь; одѣлавъ промахъ, не пейлите и не унывайте. Противъ теченія не плывите.

И прочее, и прочее, и прочее.

Убѣждался при вступленіи въ свѣтъ въ этомъ разладѣ основной мысли на-

шего воспитанія съ направлеиіемъ общества, намъ ничего болѣе не остается, какъ впасть въ одну изъ *трехъ* крайностей.

Или мы пристаемъ къ одной какой-нибудь толпѣ, тряя всю нравственную выгоду нашего воспитанія. Увлекались матеріальнымъ стремлеиіемъ общества, мы забываемъ основную идею Откровенія. Только иногда, мелкохъ, въ рѣшительныя мгновенія жизни, мы прибѣгаемъ къ спасительному Его дѣйствию, чтобы на время подкрѣпить себя и утѣшить.

Или мы начинаемъ дышать враждою противъ общества. Оставаясь еще вѣрными основной мысли христіанскаго ученія, мы чувствуемъ себя чужими въ мірѣ искаженнаго на другой ладъ пагализма, недовѣрчиво смотримъ на добродѣтель ближнихъ, составляемъ секты, ищемъ прозелитовъ, дѣлаемся мрачными прозрителями и недоступными собратами.

Или мы отдаемся произволу. Не имѣя твердости воли устоять противъ стремленія общества, не имѣя довольно безчувственности, чтобы отказаться совѣмъ отъ спасительныхъ утѣшеній Откровенія, довольно безнравственными и неблагодарными, чтобы отвергать все Высокое и Святое, мы оставляемъ основные вопросы жизни не рѣшенными, избираемъ себѣ въ путеводители случай, переходимъ отъ одной толпы къ другой, смѣемся и плачемъ съ ними для разсѣянія, колеблемся и путаемся въ лабиринтѣ непослѣдовательностей и противорѣчій.

Подвергнувъ себя *первой* крайности, мы пристаемъ именно къ той толпѣ, къ которой всего болѣе влекутъ насъ наши врожденные склонности и темпераменты.

Если мы родились здоровыми и даже черезъ-чуръ вдовыми, если матеріальный бытъ нашъ развитъ энергически, и чувственность преобладаетъ въ насъ, то мы склоняемся на сторону привлекательнаго и веселаго взгляда.

Если воображеніе у насъ не господствуетъ надъ умомъ, если инстинктъ не превосходитъ разсудка, а воспитаніе наше было болѣе реальное,—то мы

дѣлаемся послѣдователями благоразумнаго или одного изъ практическихъ взглядовъ.

Если, напротивъ, при слабости или первомъ тѣлосложеніи, мечтательность составляетъ главную черту нашего характера, инстинктъ управляетъ не умомъ, а воображеніемъ, воспитаніе же не было реальнымъ,—мы увлекаемся то религіознымъ, то печальнымъ взглядами, то переходимъ отъ печальнаго къ веселому и даже къ пріятельному.

Если, наконецъ, воспитаніе сдѣлало изъ ребенка старуху, не давъ ему быть ни мужчиною, ни женщиною, ни даже старикомъ, или при тускломъ умѣ преобладаетъ воображеніе, или при тускломъ воображеніи тупой умъ, то выборъ падаетъ на ложно-религіозный взглядъ.

Впослѣдствіи, различныя внѣшнія обстоятельства, матеріальныя выгоды, кругъ и мѣсто нашихъ дѣйствій, слабость воли, состояніе здоровья и т. п., нерѣдко заставляютъ насъ переиѣнять эти взгляды и быть, поочередно, ревностными послѣдователями то одного, то другаго.

Если кто нибудь изъ насъ, сейчасъ при вступленіи въ свѣтъ или и послѣ, переходя отъ одной толпы къ другой, наконецъ остановился въ выборѣ на которомъ-нибудь взглядѣ; то это значить, что онъ потерялъ всякую склонность переиѣнять или перевоспитать себя; это значить, онъ вполне удовлетворенъ своимъ выборомъ; это значить, онъ рѣшилъ, какъ умѣлъ или какъ ему хотѣлось, основные вопросы жизни. Онъ самъ себѣ обозначилъ и цѣль, и назначеніе, и призваніе. Онъ слился съ которою нибудь толпою. Онъ счастливъ по-своему. Человѣчество, конечно, не много выиграло приобрѣтеніемъ этого новаго адепта, но и не потеряло.

Если бы поприще каждаго изъ насъ всегда непременно оканчивалось такимъ выборомъ одной толпы или одного взгляда; если бы пути и направленія послѣдователей различныхъ взглядовъ шли всегда параллельно одни съ другими и съ направлеиіемъ огромной толпы, движимой силой инерціи; то все бы тѣмъ и кончилось, что общество

осталось бы вечно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и дѣскольکو меньшихъ. Столкновѣній между ними псче-го бы было опасаться. Всѣ бы спокойно забыли то, о чемъ имъ толковало воспитаніе. Оно сдѣлалось бы продажнымъ билетомъ для входа въ театръ. Все шло бы спокойно. Жаловаться было бы не на что.

Но вотъ бѣда:

Люди, родившіеся съ притязаніями на умъ, чувство, нравственную волю, иногда бываютъ слишкомъ воспримчивы къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, слишкомъ проникательны, чтобы не захѣять, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ронота Высокое и Святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти по неволѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаются съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, и, переходя отъ одного взгляда къ другому, видяють, сравниваютъ и пытаются; все глубже и глубже роются въ рудникахъ своей души, и, неудовлетворенные стремленіемъ общества, не находятъ и въ себѣ внутренняго спокойствія; хлопочутъ, какъ бы согласить попиюція противорѣчія; оставляють поочередно и то и другое; съ изумительнымъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни; стараются, во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тѣются *проложить новые пути*.

Люди, родившіеся съ преобладающимъ чувствомъ, живостію ума и слабостію воли, не выдерживають этой внутренней борьбы, устають, отдаютъ на произволъ и бродяють на распутьи. Готовые пристать туда и сюда, они дѣлаются, по мѣрѣ ихъ способностей, то свѣрными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А, съ другой стороны, удовлетворенные и ревностные послѣдователи различныхъ взглядовъ не идутъ параллельно ни съ массою, ни съ другими толпами. Пути ихъ пересѣкаются и сталкиваются между собою. Мнѣе ревностные, слѣдуя вполонину нѣсколькимъ

взглядамъ вмѣстѣ, образуютъ новыя комбинаціи.

Этотъ разладъ сектаторовъ и инертной толпы; этотъ раздоръ нравственно-религіозныхъ основъ нашего воспитанія съ столкновѣніемъ противоположныхъ направленій общества, при самыхъ твердыхъ политическихъ основаніяхъ, можетъ все таки рано или поздно поколебать его.

На-бѣду еще, эти основы не во всѣхъ обществахъ крѣпки, движущіеся толпы громадны, а правительсва, какъ исторія учитъ, не всегда дальнзорки.

Существуютъ только *три* возможности или *три* пути вывести человѣчество изъ этого ложнаго и опаснаго положенія:

Или согласить нравственно-религіозныя основы воспитанія съ настоящимъ направленіемъ общества,

Или переменить направленіе общества,

Или, наконецъ, приготовить насъ воспитаніемъ къ внутренней борьбѣ, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой.

Слѣдовать первымъ путемъ не значило бы ли искажать то, что намъ осталось на землѣ Святого, Чистаго и Высокаго. Одна только упругая нравственность Фарисеевъ и Іезуитовъ можетъ поддѣлываться высокимъ къ нлзкому, и соглашать пропавольно вѣчные истины нашихъ нравственно-религіозныхъ началъ съ меркантильными и чувственными интересами, преобладающими въ обществѣ. Исторія показала, чѣмъ кончались попытки Папизма, подѣ личпою Іезуитства, ультрареформаторовъ и энциклопедистовъ, шедшихъ этою тропкою человѣческихъ заблужденій.

Измѣнить направленіе общества есть дѣло Промысла и времени.

Остается третій путь. Онъ труденъ, но возможенъ: избравъ его, придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя.

Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ, къ этой борьбѣ значить именно:

«Сдѣлать насъ людьми».

То-есть, тѣмъ, чего не достигнетъ

ни одна ваша *реальная школа* из міръ, заботясь сдѣлать изъ пастъ, съ *самого раннего дѣтства*, негодяевъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ.

Человѣку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое вниманіе и всю волю, въ одно и тоже время, на занятіяхъ, требующихъ напряженія совершенно различныхъ свойствъ духа.

Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймешь.

На чемъ основано приложеніе *реального* воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

Одно изъ двухъ: или въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ *самого* перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго.

Или же воспитаніе этой школы съ *самого* его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальные школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впоследствии при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начинаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Вульгарная карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примы-

ромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляется служебными наградами, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества.

Отвѣчайте мнѣ, положивъ руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготавлялся выступить на поприще, не самъ имъ избранное, прельщаясь вышними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно и ревностно приготавлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?

Не снѣсите съ вашей прикладной реальностью. Дайте созрѣть и окрепнуть внутреннему человѣку; паружный успѣетъ еще дѣйствовать; онъ, выходя позже, но управляемый внутреннимъ, будетъ, можетъ быть, не такъ ловокъ, не такъ спорчивъ и уклончивъ, какъ воспитанники реальныхъ школъ; но за то на него можно будетъ вѣрнѣе положиться; онъ не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! Дайте ему время и средства подчинить себѣ паружнаго, и у васъ будутъ и негодяи, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у васъ будутъ люди и граждане.

Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальные и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я возстаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители такъ самоуправно распоряжаются участію своихъ дѣтей, назначая ихъ, одна выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ по разнымъ соображеніямъ и расчетамъ предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человеческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?

Кто далъ право отцамъ, матерямъ и воспитателямъ властвовать самоуправ-

но надъ блакими дарами Творца, которыми Онъ снабдилъ дѣтей?

Кто научилъ, кто открылъ, что дѣти получили врожденные способности и врожденное призваніе играть именно ту роль въ обществѣ, которую родители сами имъ назначаютъ? — Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневоли, а невольный и преждевременный бракъ сыномъ съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и прилежированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ!

И развѣ нѣтъ другого средства, другого пути, другого механизма для реально-спеціального воспитанія? Развѣ нѣтъ другой возможности получить спеціально-практическое образованіе, въ той или другой отрасли человѣческихъ званій, какъ распространяя его на счетъ общаго человѣческаго образованія?

Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!

Еще со времени языческой древности существуютъ два рода образованія:

Общечеловѣческое и спеціальное или реальное.

Въ Аѳинахъ и Родосѣ философы имѣли право содержать школы для общечеловѣческаго образованія. Не вдалекѣ отъ Аѳинъ, между свѣтлыми источниками, окруженными садами, размѣщены были самыя главнѣйшія изъ нихъ.

Въ серединѣ столпа школа эпикурейцевъ, къ сѣверу отъ нея жили послѣдователи Платона, а къ югу ученики Аристотеля. Мирты и оливы раздѣляли одно ученіе отъ другого, и служили границами различныхъ взглядовъ на жизнь и свѣтъ (Раув). Учили и ученики жили обществами, вмѣстѣ; кромѣ учениковъ и постороннимъ лицамъ входъ былъ открытъ. Со всѣхъ сторонъ и изъ отдаленныхъ земель стекались любознатели слушать мудрости знаменитыхъ наставниковъ. Философія и краснорѣчіе были самыми главными предметами занятій. Не всѣ реальныя науки въ то время были рѣзко отдѣлены отъ философіи: онѣ обыкновенно преподавались вмѣстѣ съ нею, такъ что главнымъ основаніемъ всѣхъ на-

укъ считалась философія. Богъ, свѣтъ и человѣкъ были главнѣйшими предметами отвлеченныхъ созерцаній. — Краснорѣчіе было въ то время искусствомъ, тѣсно соединеннымъ съ гражданскимъ бытомъ и исторіею народа. Поэтому и философія, и краснорѣчіе считались самыми существенными и самыми необходимыми предметами для общечеловѣческаго образованія.

Сверхъ этого, и въ Греціи, и въ Римѣ, и въ Египтѣ существовали еще и спеціальныя школы. Палестры и гимназіи Греціи, находившіяся подъ надзоромъ магистрата (тогда какъ школы философовъ были частныя учрежденія, въ управленіе и ученіе которыхъ греческое правительство не вмѣшивалось), занимались преимущественно приготовленіемъ учениковъ къ Олимпійскимъ и другимъ публичнымъ играмъ; въ Римѣ существовало училище управлѣнія; въ Александріи — училище математическихъ и физическихъ наукъ и т. п.

Въ средніе вѣка христіанская религія сдѣлалась перваго покровительницею и расадникомъ потухшаго просвѣщенія.

Начало университетовъ и спеціальныхъ училищъ образовалось постепенно изъ монастырскихъ, орденскихъ школъ. Спеціальныя школы Парижа и Оксфорда, назначенныя сначала для обученія философіи и богословія, и находившіяся подъ покровительствомъ и надзоромъ духовенства, постепенно получили особыя права и привилегіи, и возвысились на степень первыхъ, въ то время, университетовъ. Пишутъ, что въ тринадцатомъ столѣтіи въ Парижскомъ Университетѣ было до 10.000, а въ Оксфордскомъ даже до 30.000 студентовъ. Съ этимъ мощнымъ развитіемъ общечеловѣческаго или университетскаго образованія въ Европѣ не могли болѣе состязаться спеціальныя монастырскія школы, и начали съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе приходить въ упадокъ.

Въ новѣйшія времена, наконецъ, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ различныхъ отраслей человѣческаго знанія и гражданского быта, университеты и спеціальныя училища достигли

местенно той степени развитія, на которой мы ихъ теперь находимъ. Различіе въ назначеніи и цѣли тѣхъ и другихъ ясно обозначились. Правительства всѣхъ образованныхъ націй, понявъ это болѣе или менѣе ясно, упрочили новыми правами существованіе этихъ разсадниковъ народнаго просвѣщенія.

Въ различныхъ странахъ, по мѣрѣ временныхъ, иногда случайныхъ, надобностей, возникало и усвоивалось болѣе то университетское, или общечеловѣческое, то прикладное, или специальное направленіе воспитанія.

Но ни одно образованное правительство, какъ бы оно ни пуждалось въ специалистахъ, не могло не убѣдиться въ необходимости общечеловѣческаго образованія. Правда, въ некоторыхъ странахъ университетскіе факультеты почти превратились въ спеціальныя училища; но нигдѣ еще не исчезло совершенно ихъ существенное и перобытное стремленіе къ главной цѣли: общечеловѣческому образованію.

Имѣя въ виду этотъ прямой, широко открытый путь къ «образованію людей», для чего бы, казалось, имъ не пользоваться?

Для чего бы не приспособить его еще лучше къ вошющимъ потребностямъ настоящаго?

Для чего не расширить и не открыть его еще болѣе для насъ, столь нуждающихся въ истинно-человѣческомъ воспитаніи?

Но, общечеловѣческое воспитаніе не состоитъ еще въ одномъ университетѣ; къ нему принадлежатъ и приготовительно-университетскія школы, направленныя къ одной и той же благой и общей цѣли, учрежденныя въ томъ же духѣ и съ тѣмъ же направленіемъ.

Всѣ готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми.

Поэтому всѣ, до извѣстнаго періода жизни, въ которыхъ ясно обозначаются къ склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія. Не даромъ извѣстныя свѣдѣнія изстари называются: «humaniora», то-есть, необходимые для каждаго человѣка. Эти

свѣдѣнія, съ уничтоженіемъ язычества, съ усовершенствованіемъ наукъ, съ развитіемъ гражданского быта различныхъ націй, измѣненныя въ ихъ видѣ, остаются навсегда, однако же, тѣми же свѣтильниками на жизненномъ пути и древняго, и новаго человѣка.

И такъ, направленіе и путь, которыми должно совершаться общечеловѣческое образованіе для всѣхъ и каждаго, кто хочетъ заслужить это имя, ясно обозначено.

Оно есть самое естественное и самое непринужденное.

Оно есть самое удобное и для правительства, и для подданныхъ.

Для правительства, потому что всѣ воспитанники до извѣстнаго возраста будутъ образоваться, руководимые совершенно однимъ и тѣмъ же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою же цѣлю; следовательно, правственна-научное воспитаніе всѣхъ будущихъ гражданъ будетъ находиться въ однихъ рукахъ. Всѣ виды, всѣ благія намѣренія правительства къ улучшенію просвѣщенія будутъ исполняться, послѣдовательно, съ одинакою энергіею и одновѣдомственными лицами.

Для подданныхъ, потому что всѣ воспитанники до вступленія ихъ въ число гражданъ будутъ дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитанія.

Это тождество духа и правъ воспитанія должно считать выгоднымъ не потому, что будто бы вредно для общества раздѣленіе его на извѣстныя *корпорации*, происходяція отъ разнообразнаго воспитанія. Нѣтъ, напротивъ, я вижу въ поощреніи корпорацій средство: поднять нравственный бытъ различныхъ классовъ и сословій, вселить въ нихъ уваженіе къ ихъ занятіямъ и къ кругу дѣйствій, опредѣленному для нихъ судьбою. Но, чтобы извлечь пользу для общества изъ господствующаго духа корпорацій, нужно способствовать къ его развитію не прежде полнаго развитія всѣхъ умственныхъ способностей въ молодомъ человѣкѣ. Иначе, должно опасаться, что это же самое средство будетъ и ложно понято, и не-кстати приложено.

Есть, однакоже, немаловажныя при-

чины, оправдывающія существованіе спеціальныхъ школъ во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ.

Сюда относится почти жизненная потребность, для нѣкоторыхъ индій, въ спеціальномъ образованіи гражданъ по различнымъ отраслямъ свѣдѣній и искусствъ, самыхъ необходимыхъ для благосостоянія и даже для существованія страны, и именно когда ей предстоитъ постоянная необходимость пользоваться, какъ можно скорѣе и какъ можно обширнѣе, плодами образованія молодыхъ спеціалистовъ.

Но, *во-первыхъ*, нѣтъ ли одной потребности для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность «въ истинныхъ людяхъ». Количество не устоитъ передъ качествомъ. А если и превозможетъ, то все-таки, рано или поздно, подымаются не произвольно, со всею его громадностію, духовной властью качества.

Это историческая аксіома.

Во-вторыхъ, общечеловѣческое или университетское образованіе нисколько не исключаетъ существованія такихъ спеціальныхъ школъ, которыя занялись бы практическимъ или прикладнымъ образованіемъ молодыхъ людей, уже приготовленныхъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ.

А спеціальныя школы и цѣлое общество несравненно болѣе выиграютъ, имѣя въ своемъ распоряженіи правдиво и научно, въ одномъ духѣ и въ одномъ направленіи, приготовленныхъ учениковъ.

Учителямъ этихъ школъ придется сѣять уже на воздѣланномъ и разрабатанномъ полѣ. Ученикамъ придется легче усваивать принимаемое. Наполеонъ, развитіе духа корпорацій, попятіе о чести и достоинствахъ тѣхъ сословій, къ вступленію въ которыя готовятъ эти школы, будетъ и сейчасъ временно, и сознательно для молодыхъ людей, достаточно приготовленныхъ общечеловѣческими воспитаніемъ.

Да и какіе предметы составляютъ самую существенную цѣль образованія въ спеціальныхъ школахъ?

Разлѣ не такіе, которые требуютъ для ихъ изученія уже полного разви-

тія душевныхъ способностей, тѣлесныхъ силъ, талантовъ и особаго призванія?

Къ чему же, скажете, слѣдуетъ такъ и торопиться съ спеціальнымъ образованіемъ? Къ чему начинать его такъ преждевременно?

Къ чему протѣивать такъ скоро выгоды общечеловѣческаго образованія на прикладной, односторонній спеціализмъ?

Я хорошо знаю, что послѣдніе успѣхи наукъ и художествъ нашего столѣтія сдѣлали спеціализмъ необходимою потребностію общества; но, къ то же время, никогда не уждались истинные спеціалисты такъ спѣшно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ.

Односторонній спеціализмъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ.

Отыскавъ самое удобное и естественное направленіе, которымъ должно вести нашихъ дѣтей, готовящихся принять на себя высокое званіе человѣка, остается еще, главное, рѣшить одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни: *«какимъ способомъ, какимъ путемъ приготовить ихъ къ неизбежной, имъ предстоящей борьбѣ»*.

Каковъ долженъ быть юный атлетъ, приготовляющійся къ этой роковой борьбѣ?

Первое условіе: онъ долженъ имѣть отъ природы хотя какое-нибудь *притязаніе на умъ и чувство*.

Пользуйтесь этими благодатными дарами Творца; но не дѣлайте одаренныхъ безсмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, сумудрыми приверженцами грубаго матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума.—Вотъ второе условіе.

Вы скажете, что это общія, риторическія фразы.

Но я не впаваю, что безъ нихъ не могу выразить того идеала, котораго достигнуть я такъ горячо, такъ искренно желаю и моимъ, и вашимъ дѣтямъ.

Не требуйте отъ меня большаго;